

Мутин, В. «Я люблю эту землю»

В Литинститут меня не приняли.
Хоть уважал фронтовиков,
но был суров, как древний римлянин,
Федор Васильевич Гладков¹.
Похоронив свою мечту,
я шел по улицам рассеянно,
но в ту же ночь пришел на Северный
и взял билет на Воркуту.
Мелькали города и станции,
свет с темнотой вступал в борьбу.
С неисправимыми скитальцами
и я связал свою судьбу.
Болел цингой, был дважды при смерти,
познал любви и денег власть.
В Литинститут с дудинской пристани
я мог бы запросто попасть.
Писал бы гладко и толково,
но никого я не корю,
и я товарища Гладкова
за тот отказ благодарю.
Поэт, в святом своем радении
за парту шибко не держись
Любой полезней академии,
важней любой науки — жизнь.

Валерий АЛЕКСЕЕВ

Из новых стихов

Детство

На кухне чад, шипенье примуса,
мигает лампа на окне,
а мать молоденькая мне
читает сказки дяди Римуса.
А подо мною ходит стул,
я хохочу, смеюсь до колик,

¹ Ф. В. Гладков был директором Литинститута в 1945 году.

узнав о том, как братец-Кролик
хитрюгу Лиса обманул.
Я не боюсь нисколько Волка,
я верю маминым речам...
И окровавленная Волга
еще не снится по ночам.

Пятьсот-веселый

Мелькали города и села,
баян отчаянно играл,
и поезд наш «пятьсот-веселый»
шел из столицы на Урал.
Но в нем веселья было мало,
в него набился разный люд,
и он был голоден и лют,
и мест на всех не доставало.
На нарах шатких и скрипучих
сидела бабка, как сова,
путеец с бородой колючей
и франтоватая вдова.
Танкист, уволенный по чистой,
глядел на свой пустой рукав...
И оглашал округу свистом
наш запыхавшийся состав.
День все короче становился,
угрюмый лес шумел листвою,
и чернокрылый ворон вился,
как «мессершмитт», над головой.

Мать-и-мачеха

Желтеет в поле мать-и-мачеха.
Переступив через межу,
не взрослым дяденькой, а мальчиком
по пыльной стежке прохожу.
Я узнаю ручей и мельницу,
травой заросший старый двор.
Еще отцовскую поленницу

и в плаху вогнанный топор.
В тиши, с потухшей папироскою,
вступив под сень минувших лет,
стою в раздумье под березкою,
давным-давно которой нет...

То, о чем я мечтал, не сбылось,
но оно не осталось забытым.
Бродит по лесу медленный лось,
первый лед проминая копытом.
Как хрустит этот тонкий ледок!..
Вспомнишь молодость

— грудь нараспашку.

Отчего же в душе холодок
и по коже—мурашки, мурашки....
Видно, время за горло берет
И кричит свое гневное: — Хватит!..
Ты за жизнь свою меньше сберег,
чем раздал, растранижил, растратил...
Ну и что ж?!.. Ничего не стряслось,
не скудеет душа у изгоя.
То, о чем я мечтал, не сбылось,
но сбылось зато что-то другое.

Завтра, в субботу, 22 января, в 18 часов в малом зале Дворца культуры нефтехимиков проводится творческий вечер поэта Валерия Алексеева. Двери литературного клуба открыты всегда для всех любителей поэзии, для всех книголюбов.

На вечере будут звучать новые стихи ангарских поэтов, поэтов Иркутска: вечер посвящается 60-летию В. Алексеева, члена Союза писателей.

Передо мной фото почти четверть вековой давности, в центре снимка Франц Таурин, Гавриил Кунгуров, Лев Кукуев, Елена Жилкина, Василий Трушкин, Виктор Киселев, Марк Сергеев. Вокруг них более полусотни лиц: Александр Вампилов, Алла Стародубова, Иннокентий Новокрещенных, Валерий Алексеев, Леонид Ханбеков, Александр Гайдай, Василий Васильев, Андрей Румянцев, Виктор Соколов...

Только что закончились трехдневные словесные баталии по строчкам, по образам, по идеям будущих произведений. Только что большая стопа рукописей превратилась в груды исчерканных, искромсанных черновиков, только что отзвучало напутственное будущим литераторам писателя Франца Таурина — и тут как тут фотограф со своей неуклюжей цаплей-треногой: давайте сделаем снимок участников областного совещания молодых авторов!..

С тех пор по три книги стихов вышли в свет у троих ангарчан, участников той давней, майской 1959 года, конференции «Молодость. Творчество. Современность».

На ту, первую конференцию представил Валерий Алексеев большой том рукописной книги стихов. Руководители секции поэзии оставили от рукописи лишь несколько строчек: все остальное надо переделывать, чтобы рукопись могла стать книжкой! И через три года — в 1962 году — с кратким вступлением Марка Сергеева книжка «ЗАКОН ДВИЖЕНИЯ» начинающего поэта В. Алексеева пришла к читателю:

Жизнь стихи проверяет сурово,
и работа — работе под стать!
И поэт должен каждое слово,
прежде чем приварить — испытать!

19 стихотворений книжки — размышления о жизни, о природе Сибири, об Ангарске, Иркутской ГЭС, о Саянах, о Байкале — почти у всех начинающих есть такие вот стихи, такие проходные строчки размышлений о творчестве...

Но и в той, первой книжке были две темы, которые пройдут у Валерия Алексеева и через другие книги, и через поэмы, и через журнальные публикации: огненные годы войны и нерасторжимая связь времен:

А через год под купол небосвода
я в узкий люк был вытолкнут войной.
Слились во мне четыре страшных года
в один прыжок предельно затяжной...

«Первый прыжок», «Старая церковь», «Стихи о погибшем товарище», «Баллада о шпаге», «Невеста героя», «Когда к себе домой», «Семейный альбом», «21 июня 1941 г.», «Савеловский вокзал», «3 процента», «Станция Свеча», «Путешествие из Петербурга в Ленинград» именно об этом — о духовной неразрывности поколений.

Как поэт Валерий Алексеев неумоимо работает над строчкой, над образной системой стиха, добиваясь, чтобы завершенным и цельным стало стихотворение, чтобы запомнился использованный им поэтический троп.

Лирический герой поэта влюбленно смотрит на мир, не боясь декларировать: «Я люблю этот мир, эту землю...»

Книжки стихов «Паводок» и «Станция Свеча» (вышли в свет в Иркутске в 1970 и 1981 годах) показали, как трудно поднимался к профессиональной работе литератора Валерий Алексеев. Налет суровости, сдержанности, поиска, иной раз незавершенности мысли просматривается в «Паводке». В. Алексеев умеет чутко слышать аллитерацию, широко пользуется омонимической рифмой: «Враг был под Клином, а на Клине сошелся клином белый свет...», «Хожу, плечом касаясь вечности, где добродушный Иван-чай сам с непритворною сердечностью давно зовет меня на чай», «Рыжеголовой коршунихой парило солнце надо мной, и, как мираж над Коршунихой, висел густой июньский зной».

«Станция Свеча», на мой взгляд, — не сборник стихов, а действительно книга стихов: в ней несколько циклов стихотворений, в ней строже и отчетливей прослежена гражданственность позиций поэта, линия, главная в творчестве Валерия Алексеева: восхищение мужеством людей труда, воспоминания о боях, о пройденных дорогах и постоянное недовольство собой, сделанным: «Пишу всю жизнь, не зная лени, но сознаю на склоне лет, что до грядущих поколений дойдет лишь мой автопортрет...»

Немало времени Валерий Анатольевич Алексеев отдает работе с начинающими поэтами в литературном объединении, изучению творчества своих собратьев по перу: пишет критические статьи и литературные портреты иркутских поэтов, работает над новой книжкой стихов, публикуется в периодике.

Перечитывая сегодня стихи Валерия Алексеева, чувствую, что многие строки его, некоторые произведения засели в памяти: «На безымянной мерзлоте», «Савеловский вокзал» (с припевочкой «Аты-баты, шли солдаты»), «Старая церковь», «Домик в Малаховке», «Буряты не стреляют лебедей», «Баллада о шпаге», «Закон движения», «Слово о новом городе». «Сон».

Почти четверть века знаю Валерия Анатольевича Алексеева. С нескудеющей верой в Любовь и Добро (по его словам), нелегкой дорогой поэтического творчества шел он в литературу. Суровым и необходимым назвал он в одном из своих стихотворений («В нижегородском Кремле») путь поэта.

Согласимся с литератором: именно так — суровым и необходимым!

Мутин, В.
Знамя коммунизма. — 1983. — 21 янв. — С. 2.